

Научная статья
УДК 343.343.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140

Кирилл Николаевич Карпов
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>, kkn83@mail.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, проспект Комарова, д. 7*

Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена сложностями современных тенденций криминализации (декриминализации) в рамках складывающейся уголовно-правовой политики. Обобщение сформировавшихся в доктрине подходов (и позиций авторов) к происходящим изменениям в УК РФ, выражающимся в увеличении количества уголовно-правовых запретов, а также правоприменительной практики, демонстрирует качественные изменения формируемых запретов во взаимосвязи с конструкциями соответствующих составов преступлений, санкциями, а также реально складывающейся правоприменительной практикой в указанной области.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связывающие процессы криминализации с этапом реализации уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений.

Цель работы состояла в определении механизма криминализации (декриминализации) не только в рамках уголовно-правовых запретов, но и дальнейшей правоприменительной практики.

В результате исследования автор констатирует наличие взаимосвязи между тенденцией к увеличению количества уголовно-правовых запретов с одновременным введением инструментов снижения карательного потенциала санкций, содержащихся в УК РФ, а также практическим снижением применения репрессивных мер. Отмечается частичное использование мер социального контроля за поведением осуждённых как инструмент частной превенции и указывается на необходимость расширения подобных средств и их спецификации исходя из особенностей совершённого преступления и свойств личности преступника.

Полученные **выводы** могут быть использованы в законотворческом процессе, а также правоприменительной практике при назначении и исполнении наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: криминализация, общественная опасность, смягчение наказания, меры социального контроля, судимость

Для цитирования: Карпов К. Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 133–140; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140.

Kirill Nikolaevich Karpov
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-5220-0571>, kkn83@mail.ru

*Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
7, Komarova Ave., Omsk, 644092, Russian Federation*

Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who committed a crime

Annotation: The relevance of the research topic is determined by the complexities of modern trends in criminalization (decriminalization) within the framework of the emerging criminal law policy. Generalization of the approaches formed in the doctrine (and the positions of the authors) to the ongoing

changes in the Criminal Code of the Russian Federation, expressed in the increase in the number of criminal law prohibitions and law enforcement practice, demonstrates the qualitative changes in the emerging prohibitions in relation to the designs of the relevant offences, sanctions, as well as the actually developing law enforcement practice in this area.

The **object** of the study is social relations linking criminalization processes with the stage of the implementation of criminal punishment and other measures of criminal law nature and further individualized crime prevention.

The **aim** of the study was to define the mechanism of criminalization (decriminalization) not only within the framework of criminal law prohibitions, but of further law enforcement practice as well.

As a **result** of the study, the author states that there is a correlation between the trend towards the increase in the number of criminal law prohibitions with the simultaneous introduction of instruments to reduce the punitive potential of sanctions contained in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practical reduction in the use of repressive measures. The partial use of measures of social control over the behavior of convicts as an instrument of private prevention is noted and the need to expand such means and their specification based on the characteristics of the crime committed and the personality traits of the criminal is pointed out.

The **findings** can be used in the legislative process, as well as law enforcement practice when assigning and executing punishment and other criminal law measures.

Keywords: criminalization, public danger, mitigation of punishment, measures of social control, criminal record

For citation: Karpov K. N. Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who committed a crime // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 133–140; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-133-140.

Введение

Преобладающая в современной политико-правовой среде ситуация в области изменений и дополнений именно уголовного законодательства большинством учёных определяется не просто как интенсивное правотворчество, но и как чрезмерная криминализация [1; 2]. Однако необходимо отметить, что многие из происходящих изменений продиктованы объективными потребностями общества, невозможностью иным способом решения задач государства по обеспечению безопасности как внутренней, так и внешней политики, исходя из складывающейся экономической, внешнеполитической обстановки и т. д., и, как следствие, постепенным смещением в сторону такого способа регулирования общественных отношений, который предполагает увеличение и доминирование элементов социального контроля в обществе.

Разнонаправленные тенденции как в области уголовной политики в целом, так и в сфере криминализации деяний в частности вызывают споры среди правоприменителей и научного сообщества. М. В. Бавсун указывает на прямую связь происходящих процессов криминализации с факторами геополитического характера [3]. По мнению Н. А. Лопашенко, Уголовный кодекс РФ забит квазипреступлениями (деяния, лишённые общественной опасности) и псевдопреступлениями (деяния, созданные в интересах правящих групп) [4]. И. Я. Козаченко, ссылаясь на мнение М. Анселя¹, также полагает, что «причины криминализации таких деяний не всегда понятны не только тем, кому они адресованы,

но и правоприменителю»². В то же время, по его мнению, «криминализация служит прогнозом будущего развития уголовного права»³. Я. И. Гиллинский подвергает критике излишнюю криминализацию ряда преступных деяний и приходит к выводу, что они «или гражданско-правовые деликты, или административные проступки», ставя в упрек законодателю тот факт, что «главное (единственное) основание криминализации – воля власти, правителя, режима» [5, с. 14].

Приводимые при этом аргументы излишнего карательного воздействия всё же основываются на практике привлечения к уголовной ответственности за совершение традиционно криминальных насильственных преступлений (убийство, изнасилование, террористический акт и т. д.) и применения наказания в виде лишения свободы. Не углубляясь в вопросы техники и конструкции уголовно-правовых запретов, необходимо обратить внимание на то, что большинство принимаемых норм функционально нагружены и задействованы правоприменителем.

Методы

При проведении исследования были использованы как общенаучные методы исследования (диалектический, функциональный, логический и т. д.), так и ряд специальных юридических методик. Например, использование статистического метода позволило продемонстрировать отсутствие строгой зависимости между наказуемостью (строгостью) преступления и уровнем преступности. Аксиологический

¹ Ансель М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике). – Москва: Прогресс, 1970. – С. 194–195.

² Козаченко И. Я., Сергеев Д. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. – Екатеринбург: SAPIENTA, 2020. – 256 с.

³ Там же. – С. 16.

метод позволил выявить истинные цели криминализации и декриминализации на современном этапе общественного развития. Были использованы также социологический, формально-юридический и другие методы.

Результаты

В рамках проводимого исследования нами были проанализированы изменения в уголовном законодательстве, касающиеся установления новых составов преступлений с 2012 г. по 2022 г. За указанный период было введено около 90 новых составов преступлений⁴. По категориям в рамках основного состава они распределены следующим образом: особо тяжкие – 4 %, тяжкие – 16 %, средней тяжести – 19 %, небольшой тяжести – 60 %. Данная картина свидетельствует о том, что подавляющее большинство составов имеет минимальное значение криминализации. Если же рассматривать категорию преступления по наиболее тяжкому составу, то распределение следующее: небольшой тяжести – 30 %, средней тяжести – 19 %, тяжкие – 24 %, особо тяжкие – 16 %.

Таким образом законодатель, криминализуя определённые виды деяний, в основном не использует репрессию как механизм подавления. Скорее, криминализация в данном случае служит целям обозначения недопустимого поведения, установления правового статуса лица, совершившего преступление, и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений. Необходимо отметить, что большинство составов преступлений с такой спорной криминализацией в настоящее время выполняют свою функцию. Они выступают в роли промежуточного звена между административными правонарушениями (или гражданско-правовыми деликтами) и случаями причинения существенного вреда правам и интересам граждан, общества, государства, требующими существенного карательного воздействия. Такого рода пресечение преступной деятельности на ранних этапах позволяет предупредить их перерастание в действительно криминальные формы поведения.

Кроме того, более чем в 25 % случаев при формулировании новых составов преступлений законодатель использует именно конструкцию административной (либо уголовной) преюдиции (ст. ст. 116¹, 151¹, 158¹, 264¹ УК РФ и др.). Такой способ постепенной криминализации в сочетании с отнесением преступления в целом к категории небольшой либо средней тяжести позволяет нерепрессивными методами снизить вероятность продолжения социально деструктивного поведения.

При этом анализ изменений в части криминализации и декриминализации деяний, про-

исходящих в последние 10 лет, свидетельствует о наличии следующих тенденций. Во-первых, криминализация явно преобладает над процессом декриминализации. Эту тенденцию можно объяснить отсутствием общественного (массового) внимания к устаревшим либо малораспространённым сферам человеческого поведения и, соответственно, и к существующим в них запретам. Сформировавшиеся в данных сферах способы взаимодействия субъектов, содержание правоотношений и соответствующие запреты, даже в случае их сокращения, не утрачивают актуальности как определённые ориентиры недозволенного поведения, т. е. общественная опасность запрещённых деяний не утрачивается как таковая. Соответственно, сохранение их в уголовном законодательстве позволяет сохранять стабильность и гарантировать безопасность, а декриминализация, по сути, не меняет положения дел. Редкие случаи декриминализации в большей степени связаны с объективной потребностью такого влияния на правоотношения, которое позволило бы принципиально изменить их содержание. К таким изменениям следует отнести изменение как нормативной основы, так и правоприменительной практики (несмотря на наличие соответствующих норм в УК РФ, в отношении ряда преступлений в настоящее время состояние декриминализации существует де-факто на уровне правоприменения [6]), например, в части защиты авторских прав (ст. ст. 146, 147 УК РФ), а также снижение ответственности за совершение налоговых преступлений. Указанные изменения продиктованы объективными потребностями экономической и внешнеполитической ситуации в России и представляются адекватными.

Во-вторых, основные криминализирующие нормы связаны с определением новых, опасных в сложившейся обстановке государственно-политических деяний. В частности, включение в УК РФ таких составов, как «добровольная сдача в плен» (ст. 352¹ УК РФ), «злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285⁴ УК РФ) и др., обусловлено объективным возникновением новых жизненных ситуаций. Отдельные же составы, по сути, меняют подходы к ранее допустимым (терпимым) формам поведения. Они продиктованы необходимостью не просто привлечь к уголовной ответственности лиц, которые и раньше занимались совершением тех же поступков (например, уголовное дело в отношении А. Невзорова⁵, распространение фейковых новостей в период пандемии COVID-19 [7] и т. д.), но и сформировать устойчивый мировоззренческий тренд как внутри государства, так и за его пределами, определяющий недопустимость безответственного отношения к таким общественно значимым яв-

⁴ Речь идёт об основных составах преступления, закреплённых в первых частях соответствующих норм. Указанное количество можно считать приблизительным, т. к. отдельные нормы содержат в разных частях самостоятельные составы, однако обычно их различия не носят принципиального характера.

⁵ Генпрокуратура утвердила обвинительное заключение по делу журналиста А. Невзорова [Электронный ресурс] // Rg.ru : сайт. – URL : <https://rg.ru/2022/12/15/genprokuratura-rf-utverdila-obvinenie-zhurnalistu-nevzorovu.html> (дата обращения: 20.03.2023).

лениям, как распространение заведомо ложной информации, публичные призывы, направленные против интересов всего общества (в условиях очевидности общественной опасности, однако, ставших «обычными» за долгие годы допущения). Интересно, что данная тенденция проявляется и в глобальном масштабе. Анализируя мировой опыт криминализации, Т. Я. Хабриева пишет, что «Европейский суд по правам человека... руководствуется принципом ответственности «за жизнь нации», предполагающим, что безопасность всех – это условие безопасности каждого» [8, с. 6].

Учитывая существование данных явлений в динамическом контексте, важно отметить следующие факторы, требующие учёта. Во-первых, формирование уголовно-правовых запретов под влиянием стремительно изменяющихся общественных отношений как внутри государства, так и на международном уровне [9], вызываемое международными конфликтами и обострением борьбы за выживание в складывающемся мире, приводит к упрощению ряда компонентов законодательного процесса в области определения уголовно-правовых запретов. Во-вторых, формируемые уголовно-правовые запреты отличаются предельной целесообразностью и их сиюминутной необходимостью. В-третьих, декриминализация (в том числе частичная) ряда деяний обуславливается экономическими, военно-политическими, социальными интересами, даже в ущерб потребностям восстановления социальной справедливости и неотвратимости ответственности.

Учитывая, что подавляющее большинство вновь вводимых составов преступлений относится к категории небольшой тяжести (60 %), а изначально устанавливаемые размеры санкции не предполагают существенного карательного воздействия (20 % санкций не связаны с лишением свободы либо предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года), значительная их часть сформулирована по типу преюдиции, а в ещё большей степени – опираясь на результаты исследования практики назначения наказания за отдельные виды преступлений (ст. ст. 204¹, 158¹, 191¹, 264¹ УК РФ и т. д.), приходится констатировать, что данные составы преступлений введены отчасти в целях создания повода для самой процедуры уголовного преследования, пресечения преступной деятельности в рамках уголовного судопроизводства и установления уголовно-процессуального статуса лица, совершившего преступление. Репрессивный же (карательный) элемент в указанных нормах носит скорее символический характер и изначально не предполагает назначения и исполнения действительно строгого наказания, а также исправления осуждённого как самостоятельной деятельности. Предупреждение совершения новых преступлений происходит в первую очередь путём пресечения преступной деятельности и создания организационных и других препятствий для её продолжения, а также контроля за поведением

лиц, совершивших преступление. Например, лица, осуждённые за совершение преступлений, даже в случае погашения и снятия судимости (в том числе и в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в дальнейшем сталкиваются с препятствиями в части получения лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройства, въезда в Российскую Федерацию и получения вида на жительство и т. д. Представляется, что при отсутствии действительно строгого наказания именно эти меры выступают в роли предупредительного средства индивидуальной превенции.

И. Э. Звечаровский, анализируя вопрос достижимости целей уголовного наказания, основываясь на данных анализа статистических сведений об уровне рецидива преступлений и других показателей преступности, демонстрирует невозможность реального воплощения предупреждения преступлений, исправления и даже восстановления социальной справедливости путём назначения наказания и указывает на реалистичность только одной цели – «осуждения-покарания» [10].

В качестве характерных примеров можно рассматривать практику назначения наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 151¹, 264¹, 291² УК РФ. Например, за 2021 г. из почти 58 тысяч осуждённых, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, наказание в виде лишения свободы было применено только к 8 тысячам осуждённых (14,5 %), условное осуждение применялось более 6,5 тысяч раз (12 %), обязательные работы – 38 тысяч раз (68 %). Учитывая, что санкция за совершение данного преступления предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы до 2 (ч. 1) или 3 (ч. 2) лет, диспропорциональность избираемых мер уголовно-правового воздействия кажется очевидной. Из 2133 осуждённых за совершение преступления, предусмотренного ст. 291² УК РФ, наказание в виде лишения свободы (до 1 года) было назначено 35 осуждённым (1,6 %), 39 (1,8 %) были осуждены условно к лишению свободы, а штраф был назначен в 85 % случаев.

Если учесть количество ресурсов (финансовых, трудовых, организационных), затрачиваемых государством на расследование, привлечение к уголовной ответственности [11; 12], осуществление правосудия, дальнейшее исполнение наказания в отношении указанных категорий преступников, то возникает ситуация гиперболизированности затрат на достижение цели – осуждение лица, совершившего преступление. Представляется, что механизм уголовно-правового воздействия в таком случае реализуется уже в процессе расследования преступления, применения в отношении лица мер процессуального пресечения (заключения под стражу, наложения ареста на имущество), отстранения лица от исполнения служебных обязанностей и т. д., осуждения его и придания ему соответствующего правового статуса.

В дальнейшем именно такой статус – «осуждённый», «судимый», «лицо, освобождённое от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям» – позволяет определенным образом ограничить возможность совершения нового преступления путём реализации так называемых общеправовых последствий [13; 14] совершённого преступления (запрет на занятие определённым видом деятельности и т. д.). В то же время полноценной системы индивидуализованного контроля за поведением таких лиц, совершивших преступление, в настоящий момент не сформировано. Как следствие, такого рода социальный контроль возникая на этапах оперативно-розыскной деятельности, в дальнейшем приобретает ощутимые формы в рамках уголовного судопроизводства (в некоторых случаях продлевающегося в гражданское судопроизводство, например, при возмещении вреда, причиненного преступлением), после чего реализуется в исполнении наказания либо иных мер уголовно-правового характера (если они назначались), затем ослабевает в период судимости и частично может присутствовать в общеправовых последствиях судимости (часто они являются бессрочными).

Такого рода перенос содержания уголовно-правового воздействия с наказания на реализацию процессуальных либо иных компонентов правоприменения является неизбежным следствием гуманизации карательного воздействия. Если в отношении судебного процесса такой контроль за поведением лица является косвенным следствием решения задач уголовного процесса⁶, то в отношении следующего за осуждением правового состояния лица, совершившего преступление, он представляется объективно необходимым элементом предупреждения совершения преступлений в будущем.

Необходимо отметить, что нами не ставится вопрос декриминализации рассматриваемых деяний или же перевода их в разряд правонарушений. Мы лишь отмечаем особенность сложившейся законодательной тенденции и необходимость выработки системного подхода к криминализации в совокупности с особенностями осуществления правосудия в отношении подобного рода преступлений и определению эффективной системы наказаний (иных мер уголовно-правового характера).

Эффективность функционирования данных норм не может быть отделима от определения механизма функционирования всей системы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права (и мер, его дополняющих в рамках отдельных нормативных правовых актов). При этом на первый план выходят не столько строгость уголовного наказания, сколько сама процедура уголовного пре-

следования и дальнейшие правоограничения, связанные с возникновением судимости как самостоятельного постуголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

На уровне закона государственная власть просто представляет интересы своих подчинённых, служит им, несёт за них ответственность и сама является объектом их контроля. Однако данный контроль, по мнению Славоя Жижека, лишь прикрывает «непристойный избыток власти и является неотъемлемой частью принятия суверенитета» [15]. В таком случае совершенно справедливо высказывание Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева: «Государство, криминализировавшее многое, не может определить, насколько это “многое” реально опасно, а потому, дабы не утруждать себя сопоставительным анализом санкций существующих статей, оно переложило решение этой важнейшей уголовно-политической задачи на плечи судейского корпуса, дополнительно наделив его возможностями применять положения ст. 64 УК РФ о назначении наказания ниже низшего предела, ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении в сторону снижения категории совершённого преступления и ч. 2 ст. 14 УК РФ о возможности признания совершённого общественно опасного деяния малозначительным» [16, с. 424].

Развивающаяся одновременно с процессами криминализации (декриминализации) тенденция смягчения наказаний, расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы, увеличения оснований освобождения от наказания и от уголовной ответственности, расширения перечня иных мер уголовно-правового характера (в том числе неоднократные попытки введения института уголовного проступка [17]) постепенно приводит к уменьшению фактической официальной властно-государственной репрессии⁷. Возникает ситуация, когда государственное насилие находится в состоянии потенциальной возможности, но реализуется не только и не столько в рамках репрессии (кары), но и в ходе самой процедуры привлечения к уголовной ответственности и дальнейших общеправовых правоограничений (отчасти благодаря институту судимости).

Обсуждение

Я. И. Гилинский, рассматривая вопросы уголовной политики общества постмодерна, констатирует давно известные постулаты неизбежности преступности как элемента социальной жизни человека, на основании этого делает вывод о принципиальной невозможности достижения целей уголовного наказания [5]. По мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «едва ли не общепризнанным можно считать вывод о бессилии государства достигнуть официально

⁶ Чердынцова И. А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: автореф. дис...канд. юрид. наук. – Омск, 2008. – 23 с.; Чердынцова И. А. Назначение современного российского уголовного процесса: учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 90 с.

⁷ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. – URL :// <https://supcourt.ru/files/31149/> (дата обращения: 12.01.2023).

провозглашенные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление лица, совершившего преступление» [16]. Авторы обращают внимание на тот факт, что практика широкого социального управления посредством уголовно-правовых мер (речь идёт об уголовно-правовых запретах и наказании – К. К.) является «проявлением бессилия государства и подмены нормативно заявленных целей уголовно-правового регулирования» [16].

В то же время цель сокращения уровня преступности становится достижимой путём использования иных правовых механизмов. В первую очередь речь идёт о расширении инструментов социального контроля за лицами, совершившими преступление. В данном случае сочетание и комплексное использование криминализации как способа придания лицу определённого правового статуса с последующим использованием инструментов probation, ресоциализации, социального контроля могли бы разгрузить судебную систему, пенитенциарную систему и существенно сократить вынужденные карательные практики в отношении осуждённых. Другими словами, формальное признание деяния преступным перестаёт выступать в роли действительно карательного (влекущего за собой существенные правоограничения и фатальные последствия) для лица, совершившего преступление. Однако данный факт (совершение лицом преступления) может и должен выступать в роли юридически значимого, т. е. основания осуществления фискальной, оперативно-розыскной, административно- или уголовно-процессуальной деятельности.

Наличие судимости (в том числе снятой или погашенной), освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям позволяют не допускать таких лиц к участию в отдельных видах деятельности, однако до настоящего времени не разрешают осуществлять в отношении них каких-либо дополнительных мероприятий, например, осуществлять сбор информации о проводимых финансовых операциях, наличии имущества, участия в экономической деятельности, деятельности в сети интернет и т. д. Такого рода выборочность в вопросах контроля за поведением лиц, совершивших преступление, приводит к отсутствию полноценного механизма предупреждения преступлений.

В качестве компенсации отсутствия данного контролирующего механизма государство вынуждено прибегать к иным средствам социального контроля. При этом «старейшим и наиболее простым способом социального контроля выступает физическое насилие» [18, с. 124–129]. Однако, как заметил Н. Д. Сергиевский ещё в XIX в., «область наказуемых деяний до сих пор постоянно расширяется, а наказания, по количеству болевых впечатлений, смягчаются»⁸.

Заключение

С точки зрения уголовно-правового регулирования насилие естественно выражается в карательном воздействии посредством назначения таких видов наказаний, которые позволяют лишить лицо возможности совершения преступлений (либо максимально приблизиться к такому состоянию), однако использование информационной составляющей некарательных средств социального контроля за лицами, совершившими преступление, выражающееся в получении возможности сбора (в том числе в автоматическом режиме) информации о поведении лица, в состоянии заменить (или как минимум дополнить) существующие средства наказания. При этом постулат «естественных прав человека» во всех странах мира, самостоятельно формирующих свою правовую политику, укладывается в необходимость обеспечения безопасности человека и общества. Так, если речь идёт о выживаемости всей популяции, то приоритет прав на свободу передвижения, распространения информации, неприкосновенности частной жизни отходит на второй план. Славой Жижек по этому поводу говорит, что права человека нельзя постулировать как некое неисторическое «эссенциалистическое» внешнее, безотносительно контингентной сферы политической борьбы, как универсальные «естественные права человека» вне исторического контекста, также они не могут быть отвергнуты как материализованный фетиш, продукты конкретных исторических процессов политизации граждан [15].

Таким образом, права лица, совершившего преступление (например, на неприкосновенность информации о частной жизни, местонахождении лица, финансовых операциях), должны быть соотнесены с фактической опасностью повторения им преступного поведения, а также с существующими технологическими возможностями сбора и обработки данной информации в автоматическом режиме с участием инструментов искусственного интеллекта. Иными словами, получение соответствующих сведений гарантом данных прав (государством) может и должно быть обусловлено необходимостью обеспечения безопасности общества, а соответственно, является не только допустимым, но и необходимым инструментом правового регулирования, применяемым индивидуально в отношении лиц, совершивших преступление.

Например, установление средств фискального контроля за денежными переводами (доходами, расходами) лиц, осуждённых за незаконный сбыт наркотических средств, хотя бы в период наличия судимости, существенным образом усложнило бы им возможность возвращения в указанную сферу «бизнеса». Закрепление соответствующего правового статуса лица, совершившего преступление, в качестве основания для сбора информации о лице, осуждённом за указанные преступления, позволило бы легально контролировать выполнение им ограничений (например, запрет на

⁸ Сергиевский Н. Д. Основные вопросы наказания в новейшей литературе. – Санкт-Петербург : Типография правительствующего сената, 1893. – 24 с.

трудовую деятельность, связанную с оборотом наркотических средств и психотропных веществ)⁹. Как правило, данные средства сбора информации начинают применяться, однако позже, в рамках раскрытия либо расследования преступлений (уже после их совершения), и в первую очередь в отношении именно ранее судимых лиц¹⁰. Кроме того, осуществление в от-

ношении данного лица мер ресоциализации со стороны государственных органов, некоммерческих организаций позволит комплексно решать задачи предупреждения преступлений. Таким образом, именно комплексное решение вопросов социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, позволит не только уменьшить уровень репрессивного воздействия, связанного с реализацией наказания в виде лишения свободы, но и решать задачи специальной превенции преступлений, а также сбалансировать тенденцию криминализации (установления новых уголовно-правовых запретов).

⁹ См. например, ст. ст. 10, 30 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁰ Радионов А. И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности: дис... канд. юрид. наук. – Рязань, 2013. – 264 с.

Список литературы

1. Рарог А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 88–95.
2. Кашепов В. П., Голованова Н. А., Гравина А. А. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. – Москва: Юридическая фирма «Контракт», 2018. – 280 с.
3. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 483–493.
4. Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона / Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе: сборник материалов конференции. – Минск: БГУ, 2018. – С. 87–88.
5. Гишинский Я. И. Уголовная политика общества постмодерна / Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий Астерион, 2022. – С. 10–18.
6. Козаченко И. Я. Скрытая декриминализация: проблемы и пути их решения / Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам конференции. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2016. – С. 78–81.
7. Садыков Д. И., Ахметьянова Н. А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.
8. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: теория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 5–9.
9. Генрих Н. В. Криминализация и международные правоотношения // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 114–122.
10. Звечаровский И. Э. О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. – 2022. – № 6. – С. 48–52.
11. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.
12. Бабаев М. М., Квашиц В. Е. Цена преступности: проблемы теории и практики // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 246–259.
13. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 106–113.
14. Габдрахманов Ф. В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – С. 47–50.
15. Жижек Славой. Против прав человека (Against Human Rights) // New Left Review. – 2005. – № 34, July-August. – P. 115–131.
16. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 419–430.

17. Головки Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. – 2018. – № 1. – С. 128–136.

18. Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124–129.

References

1. Rarog A. I. Repressivnyy kren rossiyskoy ugolovnoy politiki // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2014. – № 3. – S. 88–95.

2. Kashenov V. P., Golovanova N. A., Gravina A. A. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnoy zakonodatel'stva. – Moskva: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2018. – 280 s.

3. Bavsun M. V. Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugolovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 483–493.

4. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod ugolovnym zakonom i ot ugolovnoy zakona / Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitel'noy funktsii v obespechenii sotsial'no-ekonomicheskoy stabil'nosti v obshchestve : sbornik materialov konferentsii. – Minsk: BGU, 2018. – S. 87–88.

5. Gilinskiy Ya. I. Ugolovnaya politika obshchestva postmoderna / Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy Asterion, 2022. – S. 10–18.

6. Kozachenko I. Ya. Skrytaya dekriminalizatsiya: problemy i puti ikh resheniya / Ugolovno-pravovoye vozdeystviye i yego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (I Saratovskiy ugolovno-pravovyye chteniya) : sbornik statey po materialam konferentsii. – Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. 2016. – S. 78–81.

7. Sadykov D. I., Akhmet'yanova N. A. Rasprostraneniye feykovykh novostey vo vremena pandemii COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.

8. Khabriyeva T. Ya. «Yurisprudentsiya pandemii»: teoriya chrezvychaynogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2022. – T. 18. – № 1. – S. 5–9.

9. Genrikh N. V. Kriminalizatsiya i mezhdunarodnyye pravootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 11. – S. 114–122.

10. Zvecharovskiy I. E. O tselyakh ugolovnoy nakazaniya i ikh dostizhenii // Ugolovnoye pravo. – 2022. – № 6. – S. 48–52.

11. Luneyev V. V. Sotsial'nyye posledstviya, zhertvy i tsena prestupnosti // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 1. – S. 36–56.

12. Babayev M. M., Kvashis V. Ye. Tsena prestupnosti: problemy teorii i praktiki // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. – 2009. – № 2. – S. 246–259.

13. Yelinskiy A. V. Obshcheppravovyye posledstviya ugolovnoy osuzhdeniya: konstitutsionno dopustimyye predely // Ugolovnoye pravo. – 2011. – № 6. – S. 106–113.

14. Gabdrakhmanov F. V. Ugolovno-pravovyye i obshcheppravovyye posledstviya sudimosti: sravnitel'no-pravovoy analiz // Yevraziyskaya advokatura. – 2014. – № 4 (11). – S. 47–50.

15. Zhizhek Slavoy. Protiv prav cheloveka (Against Human Rights) // New Left Review. – 2005. – № 34, July-August. – R. 115–131.

16. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye. Repressivnoye resheniye sotsial'nykh problem: prichiny i posledstviya // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2016. – № 3. – S. 419–430.

17. Golovko L. V. Zakonoproekt ob ugolovnom prostupke: mnimyye smysly i real'naya podopleka // Zakon. – 2018. – № 1. – S. 128–136.

18. Kozыrev G. I. Sotsial'noye deystviye, vzaimodeystviye, povedeniye i sotsial'nyy kontrol' // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2005. – № 8. – S. 124–129.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 25.07.2023.

The article was submitted March 30, 2023; approved after reviewing April 28, 2023; accepted for publication July 25, 2023.